

НАША СТРАНА

Год издания 75-й. Буэнос Айрес, 15 апреля 2023

"NUESTRO PAIS"

Buenos Aires, 15 de abril de 2023

No 3196

КРАСОТА ЭТО БОГ

...и создаёт её только Бог, а так же редкие люди, наделённые от Бога безупречным эстетическим чувством. Красота бессмысленна с точки зрения прагматики безликого человека массового общества, но является одной из нескольких фундаментальных ценностей, за которую культурные люди без рассуждений отдают свои жизни, в числе которых ещё, пожалуй, лишь только честь (семейная наследуемая этика), обязательства (клятвы) и религия. «Красота ускользает» и не даётся легко даже великим дарованиям. Земной расплатой за великие музыкальные произведения и объекты изобразительного искусства очень часто являлась бедность, «сумасшествие» и преждевременная смерть их создателей.

«Рынок красоты», то есть вторичный рынок произведений искусства, не подчиняется основным экономическим законам. Цены на нём колоссальные, при этом качественно написанные копии великих картин стоят в десятки тысяч раз дешевле оригиналов, хотя не отличаются от оригиналов по «потребительским свойствам». Это, в свою очередь, означает, что рынок красоты иррационален и причины его высочайших цен состоят не в невозможности получить скопированную красоту за приемлемые деньги. Миллионы, которые платят богатые буржуа и крупные банки за произведения искусства, не объяснимы ничем кроме вполне мистического желания покупателей прикоснуться не к красоте даже, а к личности создателя красоты.

До революции в России богатейшие промышленники-миллионщики часто являлись художественными филантропами и заключали невыгодные для себя браки с женщинами из обедневшего потомственного российского дворянства с целью простого прикосновения к тому, что для них самих, несмотря на все их капиталы, было абсолютно недоступно, однако становилось хорошей инвестицией в собственное потомство. Ведь дети от таких браков были красивее и умнее, здоровее и целеустремленнее в помыслах, и занимали лучшее положение в обществе, чем дети купцов-миллионщиков от купчих, т.е. представительниц их собственного сословия.

Это похоже на нынешний интерес египетских и турецких мужчин к рынку русских народно-трудоуемых невест, которые рассматриваются последними как «отбеливающие» инвестиции в потомство и социальный престиж - у обеих этих наций чуть более светлый оттенок кожи гарантирует весомый социальный капитал, а так же благословение Божие. И они в этом не одиноки - точно такие же взгляды бытуют и в Тайланде, и в Индии. И если для русских купцов Первой Гильдии были важны правильные черты лица и древняя генеалогия, гарантирующая минимальный набор ценных и редких человеческих качеств, то народно-трудоуемые североафриканцы и азиаты 21 века по бедности довольствуются хотя бы более светлым оттенком кожи.

Три доказательства о существовании души. I. Красота и её влияние на людей - никакими рациональными марксистскими аргументами значение и характер сотворенной Богом и людьми красоты объяснить нельзя. Практически бесполезная, однако всепобеждающая сила. II. Жертвенная природа человека, его способность отдавать жизнь за красоту, любовь, истину и убеждения. Так же не объяснимый ничем кроме наличия высшего начала в человеке, отдельного от его животной сущности, факт. III. Значительное число «душевных искусств» - живопись, музыка, поэзия. Стратегия выживания и продолжения рода не нуждается в них, рассудок тоже, а значит их бы просто не могло возникнуть в процессе эволюции - это не то, что обеспечивает пропитание и доминирование.

В СССР женская красота приветствовалась, а вот мужская совсем наоборот. Красивых мужчин практически и не было, но если всё же они встречались, то работали на телевидении, в театре или в кино. В других сферах деятельности они немедленно попадали под подозрение. Их именовали «женственными», отпускали скабрёзные шуточки об их «ориентации», травлили и нередко они вынуждены были решаться на самоубийство или уходили в запой.

Советские люди в массе своей считали (и продолжают считать), что мужчина и не должен быть красивым, что ценность его в ином, что красивого мужчины быть не должно. Да и просто мужа-мужчины быть не должно, «мужчина должен быть мужиком». При этом, что касается женщин, то всё наоборот. Что же это за фобия на мужскую красоту? Не фобия, а классовое (на самом деле - социально-антропологическое) чутьё.

Когда советские люди вырезали господские классы Российской Империи, то геноцид касался в основном мужчин, а вот женщин этих мужчин оставляли для развлечения себе. И в этом советские люди были не уникальны. Так поступали и другие дикие народы и племена планеты на протяжении всей истории. Женщины чужого племени - добыча, мужчины - враги.

И практически полное отсутствие красивых мужчин среди населения СССР-РФ, и социальные фобии, связанные с мужской красотой - знаки социал-антропологической катастрофы, геноцида русских мужчин из культурных сословий, продолжающегося и по сию пору. Просто представьте, что делают со случайно попавшим в казарму армии РФ красивым юношей. Во времена моей юности таких были единицы, но даже и единицы советскую армию не переживали, их убивали прежде чем заканчивался их срок.

А. Григорьев

ПРОФ. И. А. ЕСАУЛОВ

ПРОЗАИКА И ПОЭТИКА ПАСХАЛЬНОГО РОМАНА «ЛЕТО ГОСПОДНЕ»

Иван Сергеевич Шмелёв,
автор романа "Лето Господне"

«С крыш уже прямо льет, и на заднем дворе <...> начинает копиться лужа — верный зачин весны. Ждут её — не дождутся вышедшие на волю утки <...> Смотрю и я: скоро на плотике кататься. Стоит и Василь Василич, смотрит и думает, как с ней быть. Говорит Горкину:

— Ругаться опять будет, а куда её, шельму, денешь! Совсюду в её текёт, так уж устроилось <...> — И не трожь её лучше, Вася... — советует и Горкин. Спокон веку она живет. Так уж ей тут положено. Кто её знает... может, так, ко двору прилажена!.. И глядеть привычно, и уточкам разгулка...

Я рад. Я люблю нашу лужу, как и Горкин. Бывало, сидит на брёвнышках, смотрит, как утки плещутся, плавают чурбачки.

— И до нас была, Господь с ней... о-ставь <...>

— Была как — пуцай и будет так! — решает Василь Василич.

— Так и скажу хозяйну <...> Подпрыгивают и утки: радостным — так-так... так-так... И капельки с сараев радостно тараторят наперебой: кап-кап-кап...

И во всём, что ни вижу я, что глядит на меня любовно, слышится мне: так-так. И безмятежно отстукивает сердце: так-так».

Теперь посмотрим, как она начинается:

«... Кап... кап-кап... кап... кап-кап-кап...»

Засыпая, всё слышу я, как шуршит по железке за окошком, постукивает сонно, мягко — это весеннее, обещающее — кап-кап... Это не скучный дождь, как зарядит, бывало, на неделю: это весёлая мартовская капель. Она вызывает солнце. Теперь уж везде капель: Под сосенкой — кап-кап... Под ёлочкой — кап-кап...».

Таким образом, глава начинается звукописью — «Кап... кап-кап... кап-кап-кап» — и завершается звукописью: «так-так». Начинает её

«мартовская капель», а завершает звукопись, передающая стук сердца.

Однако эта звукопись стука сердца мальчика («так-так»), завершающая главу, не непосредственно следует за стуком капель, а есть своего рода словесный (но в то же время и природный) посредник. Это — утки: «Подпрыгивают <...> и утки: так-так... так-так...». Кажется бы, совершенно очевиден вектор звукописи: через неживое (капли) к живому (утки) и затем к человеческому (сердце мальчика). Такая остротная систематизация, задающая определённый сюжетный вектор — линейный — при всей её внешней «правильности» (стук капель — подпрыгивание уток — стук сердца) — свидетельствует не о понимании шмелёвского мира, а, напротив, о не полном его понимании. Попытаемся это продемонстрировать.

Дело в том, что в шмелёвском тексте утки «подпрыгивают» не кому-нибудь, а Василь Василичу, который — ещё до звукописи, передающей крикание уток, «ходит и крикает»: «выдумать ничего не может: совсюду стёк!».

Если при интерпретации шмелёвского текста держаться прозаической точки зрения, то «крикает» Василь Василич от невозможности выполнить хозяйское указание по осушению лужи: «выдумать ничего не может», то есть «крикает» не от удовольствия, а, напротив того, от озадаченности. Однако если мы будем воспринимать шмелёвский текст иначе, если будем созерцать его с поэтической точки зрения (а это совершенно необходимо, если считать «Лето Господне» самоценным художественным миром!), тогда «крикание» Василь Василича может означать нечто совершенно иное.

В большом времени «Лета Господня» Василь Василич, маленький герой, Горкин, а также утки и мартовская капель находятся в особых отношениях, это отношения чистой любви и радости — от радостного приятия Божьего мира и благодарности Творцу. Однако для того, чтобы встать на эту — последовательно поэтическую — точку зрения, чтобы в низкой данности («лужа») увидеть скрытую там высокую заданность, требуется не только авторское (шмелёвское) преображение былого «бытописательства», для этого требуется и особое рецептивное усилие со стороны читателя.

Как истолковать постоянный рефрен шмелёвского текста обращения к давнепрошедшему, которое в данном фрагменте звучит так: «И до нас была»? Для этого следует со

ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ! ВОИСТИНУ ВОСКРЕСЕ!

всей возможной серьёзностью отнестись к продолжению этой фразы, которую мы сейчас намеренно редуцировали, следует не низводить эту фразу до уровня подобия своего рода междометия, речевого штампа, а увидеть в её продолжении мерцание некой доминанты шмелёвского образа мира. Ведь как завершается фраза, как будто бы свидетельствующая лишь о этической приверженности Шмелёва ушедшему навсегда прошлому? Она завершается так: «Господь с ней».

Поэтому шмелёвская фраза имеет такой же смысл, как и пушкинское «Как дай вам Бог любимой быть другим», которую можно, разумеется, истолковать и так, что когда-то я Вас любил, теперь уже, по-видимому, не люблю (разве только совсем немного: эта любовь «в душе моей угасла не совсем», да и то «быть может») – и поэтому мне настолько безразлично, что будет с Вами, что даже если и другой будет любить Вас, то уж меня, во всяком случае, это вовсе не трогает.

Насколько не трогает, что я Вам любви, но не своей, а этого другого теперь уже могу даже и пожелать: будьте ему «любимой», и на этом покончим. Нет, у Пушкина слова «дай вам Бог» эквивалентны шмелёвскому «Господь с ней» – в том плане, что выводят этический кругозор «я» из эгоистического самоутверждения к истинному пониманию «Ты»/«Она»/«Вы», превращают «Вы» из объекта моего желания в самостоятельный субъект; однако звучит также и редуцированная мольба — поэтический, хотя и редуцированный, аналог молитвы: «Господь с ней»/ «Как дай вам Бог любимой быть другим».

При этом шмелёвский персонаж всё-таки не остраивается от своего предмета описания и прошлой привязанности, не занимает по отношению к нему внешнюю позицию. Обратим внимание при этом на настоящее время: «Я рад. Я люблю нашу лужу» (вместо прошедшего: «Я вас любил»). Любовь, излучаемая в мир, рождает ответный импульс: герой любим и благословляем миром: «И во всем, что ни вижу я, что глядит на меня любовно».

Это и есть та «сердца пища», о которой напоминает шмелёвский эпиграф к «Лету Господню».

Шмелёвский текст как целое характерен тем, что в нём весьма сложно сочетаются как циклические, так и линейные тенденции.

В одном случае акцентируется повторяемость, в другом – неповторимость. Глубоко неверно понимать это сочетание таким образом, что циклическое так или иначе отсылает к архаическим представлениям о языческом коловращении (например, постоянная смена дня и ночи, времён года и так далее), тогда как линейность преобразует эту природную циклическую – завершённостью смерти (как отдельного человека, так и эсхатологическим концом мира сего), преодолевая природную циклическую чудом воскресения. Дело в том, что общая пасхальная установка проявляется у Шмелёва не преодолением природной циклической, а, так сказать, освещением её. Происходит преобразование бытия (и вообще прозаики) в духовный план: «душа начинается».

Прозаика при этом становится поэтикой, ведь воистину «езде капель», поэтому «Лето Господне» так и очаровывает читателя, что он прозревает в многократно воспроизводимой Шмелёвым звукописи мартовской капели ещё не называемый стук сердца его героя.

РФ СТАНОВИТСЯ ВАССАЛОМ ПЕКИНА

Путин и его камарилья не только сдают РФ Красному Китаю, но и поспособствовали укреплению государственности Украины

С 80-х годов во власть на родине полезли откровенные глупцы, дебилы, люди, которые не понимают, ни что такое государственная деятельность, ни что такое управление. Они лишь лезли к большому корыту.

Пролезли, а дальше? Этим людям нужен начальник, который сказал бы им, что делать. прислал бы проект закона, а они нажали бы кнопки.

Вот так выглядят Государственная Дума РФ. Они видели этого начальника в Кремле. Однако 22 февраля прошлого года Кремль их очень озадачил. Им стало страшно. Но Кремль их успокоил, что эта война будет длиться три дня, а потом вы будете с восторгом приезжать на Украину, вас там будут встречать хлебом-солью.

А затем их помощники, юридические консультанты им объяснили: то, что вы собираетесь сделать, в РФ называется преступлением, – «планирование, подготовка, развязывание, ведение агрессивной войны», которое в Уголовном Кодексе стоит под номером 353, за это полагается 20 лет лишения свободы и, заметьте, без срока давности. То есть ты уже будешь дряхлым стариком и сдохнешь где-нибудь на нарах. Им страшно.

И решились они только потому, что считали, что будет победа. Но победы не стало, и её не видно.

Ошибка, когда говорят, что раба заставляют быть рабом, что происходит насилие над рабом. Ничего подобного, люди рвутся в рабы, потому что раб – это обеспеченная миска с едой, это защита. Эти убогие люди рвутся к кому-то в рабы, а этот хозяин тебя как бы предал. И вот теперь они смотря на китайского коммуниста Си как на очередного хозяина, который их защитит, а они всё что угодно ему сделают.

Как защитит – они не знают. Они же не знали, как они победят Украину, но полезли. Сейчас они думают: Китай, мощнейшая страна в мире, как-то защитит.

Си приехал в Москву посмотреть на своих будущих холоуев. Есть

фотография, где они сидят с Путиным, разговаривают. Обратим внимание как Си на него смотрит. Как где-нибудь в зверинце человек смотрит на обезьянку с таким видом: а ведь мог бы быть человеком... Бедный артист, у него ножки дергаются, ручки дергаются. Приехал хозяин посмотреть. Си смотрит на руководителей РФ как на бедную безмозглую камарилью, на всех – депутатов, сенаторов, кто там в правительстве работает.

Этой бедной камарилье нужен хозяин, ей нужно кому-то служить, чтобы он обеспечил им защиту.

На самом деле то, что развязал Путин это не защита каких-то русских интересов, а преступление. Ведь Дума не приняла закон об этой войне, Совет Федерации не принял никакого постановления, потому что они боятся ответственности...

«Россия начала войну», говорят на Западе. Какая Россия? Народ референдум не проводил, Государственная Дума закона не издавала, Совет Федерации ничего не согласовывал, на сайте президента нет ни малейшего документа, а армия вдруг пошла воевать на Украину! Даже в армии встанет вопрос: что нам будет, большая пенсия и почёт, или на нас будут смотреть как на преступников? Эти люди боятся того, что произойдет.

Красным китайцам выгоден Путин на посту президента РФ. Они действительно расценивают его как свою абсолютно карманную фигуру.

Путин и его камарилья не только сдают Российскую Федерацию Китаю, но фактически поспособствовали укреплению государственности Украины, которая из-за этой войны почувствовала себя субъектом мировой политики.

Да, пройдя через кровь, через ужасы, которые эта война принесла, но Украина сейчас – более субъектное и более значимое государство, чем до вторжения Путина. Существование которого никто и никогда больше не сможет оспаривать. Благодаря только Путину. Путин добился объявленных им политических

целей, только наоборот. Путин стал главным расчленителем и разрушителем России..

Мы однозначно видим усиление красно-китайского государства за счёт ресурсов России. Ведь всё, что РФ продавала на Запад, большинство энергетических ресурсов, технологических вещей, сейчас идёт в Китай с огромными скидками, совсем дёшево, то есть фактически Россия превращается в ресурсный придаток Китая.

Красный Китай будет и дальше использовать Россию в таком качестве, возможно, накапливая силы для будущей войны с белым Тайванем, и с западной цивилизацией вообще.

Только идиот мог подумать, что РФ, обладающая 2% ВВП в глобальном масштабе, победит западную коалицию, – 40% мировой экономики – которая поддерживает Украину... Именно это и скажется на гражданах РФ. Уход западных технологий, западных брендов, западной экономики из РФ скажется по двум направлениям. Экономика РФ переходит на китайский юань, всё больше интегрируется в китайскую модель экономики и в китайский рынок. Точно так же, как Китай заходит на те ниши, которые оставили западные компании, ушедшие из Российской Федерации.

Из 14 брендов автомобилей, которые продаются в РФ, 11 – это китайские, потому что остальные – «Москвичи» и прочий металлолом, который называется брендами РФ, собираются из китайских комплектующих. На днях завод «Москвич» отозвал 89 автомобилей, из-за того, что неправильно перешили китайские иероглифы в в системе управления.

Вот цель красного китайского лидера Си – занять экономическую нишу, освободившуюся после ухода Запада, всё дальше и больше внедряться в экономику РФ, перепрофилируя и переучивая потребителей РФ на потребление китайских товаров.

Н. Греков

Правда о ленинградской блокаде

Моя семья сохранила доброе воспоминание о блокаде СПб.

Доброе в том смысле, что во время неё проявились её лучшие человеческие качества. В то время как семейства понаехавших в СПб после 1917 года совслужащих в 1942 году благополучно ели своих детей и торговали студнем из человеческих костей, завтрак, обед и ужин моих родных во время блокады Ленинграда выглядел так.

Дедушка и бабушка одевали накрахмаленные воротнички, ставили на стол столовое серебро, три стакана воды и три пайки хлеба. А потом сдвигали свои пайки в сторону моей матери и, улыбаясь, смотрели как она ест.

"Старая питерская интеллигенция", т.е. совслужащие, прибывшие в Петроград в 1920-е из местечек (из потомков которых ныне черпаются кадры в том числе и для "церковного возрождения") суеливо кушали кошек, крыс и младенцев, а немногие оставшиеся коренные жители СПб, моя семья в том числе, сохраняли человеческое достоинство. Два народа, две памяти, два опыта бытия.

Мои бабушка и дедушка умерли в блокадном Ленинграде, так и не сумев прорваться на север, к своим (на севере стояла финская армия барона Маннергейма, которого они хорошо лично знали по дореволюционному СПб).

Ответственность за их смерть полностью лежит на коммунистических властях, выставивших в городе внутренние заградотряды НКВД и никого из города не выпускавших. Со стороны европейских армий блокада Ленинграда была блокадой Мордора, города революции, всеевропейского оплота коммунистического терроризма. Санитарной операцией европейцев против красной чумы.

Однако сумевших вырваться из города мирных жителей по свидетельствам моих родных немцы и финны встречали горячей едой и теплой одеждой. Но таковых было немного, ибо здоровые и трудоспособные жители города были необходимы коммунистам как пушечное мясо, по "Дороге жизни" вывозили лишь обузу для властей – детей, стариков и больных.

Помните! Все, кто вам лжёт что было иначе наверняка связан круговой порукой с коммунистами и выжившими, которых заставляли считать иначе. Большая кровь скотывает уста, а коммунистическое прошлое заставляет выгораживать сродников по плоти. Вообще, большая часть того, что мы знаем о той войне, связано с воспоминаниями о ней советских людей.

Голос не советских русских ("контрреволюционного элемента", как тогда говорилось) слаб, ибо большую их часть либо уни-чтожили, либо выселили, либо уморили голодом.

Мы живём в стране наследников, прямых и кровных, советских палачей. Я вот раздумываю над тем, чтобы собрать и опубликовать мемуары всех не советских русских, проживавших во время блокады в СПб. Русских с дореволюционным преемством и биографией. Коренных петербуржцев. Да, их было немного, но именно их голос ценен.

А. Рейнеке

Иван Солоневич сказал правду о советских лагерях за 35 лет до Солженицына

К 70-летию со дня кончины основателя «Нашей Страны»

1 ноября 1891 - 24 апреля 1953

Парадоксальный Лев Наврозов, хороший журналист и блистательный прозаик (я готов отвечать за эти слова перед экзаменационной комиссией философского факультета), сказал как-то, что в русской литературе XX века были только две по-настоящему новые книги. «Аквариум» Виктора Суворова и «Россия в концлагере» Ивана Солоневича. Потому что в этих книгах рассказано то, что до поры никто в России и мире не знал. Быт и нравы ГРУ и жизнь ГУЛАГа.

Этакие две тайные стороны советской медали. Это не фигура речи, а реальность: советская власть крепко сжимала свою медаль в кулаке, выставив наружу только её ребро, которое блестело самоварным золотом и ослепляло младенческие глазки местных патриотов и западных прогрессистов.

Беглец из рая

Разумеется, предложенный Наврозовым утилитарно-информационный подход к литературе можно оспаривать, но факт остаётся фактом: в 1936 году в Софии вышла книга Солоневича, объёмистая (35 листов), подробная и точная, написанная очевидцем и жертвой коммунистических безумств.

Написанная человеком, который только что вырвался из советского концлагеря. Книга умная, содержащая тонкий анализ технологий советско-партийно-гэбэшной власти, описывающая конфликты поколений внутри репрессивного аппарата, достоверно демонстрирующая всю мерзость коммунистического режима, всю его осмысленную циничную жестокость, а также всю его опасность для европейской цивилизации.

Ибо, как писал Солоневич за много лет до Виктора Суворова, миллионы жизней и годы нечеловеческого труда были принесены в жертву не для страны, а для мировой революции. То есть для войны со всем миром.

Больше того. В книге мельком упоминаются и другие тайны строителей нового мира: голод и людоедство на Украине, разорение и истребление Казахстана, восстания на Северном Кавказе.

Но самое главное все это было написано и опубликовано в 1936 году в Европе, и все западные гуманисты, все эти бесчисленные Бернадды

Шоу и Герберты Уэллсы, не говоря о радетелях за человечество рангом пониже, все они не обратили на этот потрясающий документ ровно никакого внимания. Во всяком случае, не возмущались, не посылали запросы в свои парламенты, не публиковали пламенных статей типа приснопамятных «J'accuse!» или «Не могу молчать!»

Не обвинили и смолчали. Шутка ли - на шестой части суши сбывается вековая мечта человечества, а тут тебе какой-то беглец из рая. Хотя Солоневич предупреждал, что его книга может стать учебником для европейских слюняв.

В отношении Восточной Европы это, увы, сбылось. Понадобилось сорок лет, чтобы «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына был воспринят на Западе со всей подобающей серьёзностью и тревогой.

Дело, собственно, не в годах взросления. Леволиберальный Запад резко поумнел и поправел перед лицом шестикратного военного превосходства СССР в Центральной Европе. Это неправда, что жизнь проста. Она гораздо сложнее, чем мы думаем.

Иван Лукьянович Солоневич (1891 - 1953) в перестроечной России был достаточно широко известен как автор «Народной монархии».

В начале 1990-х некоторые московские редакции получали от Н. Л. Казанцева из Аргентины основанную Солоневичем газету «Наша Страна». Там, кстати, рядом с лобовой монархической публицистикой встречались весьма глубокие обзоры международной экономической жизни. И вот, наконец, полный текст «России в концлагере» вышел как приложение к журналу «Москва», в 1999 году. С почти десятилетним опозданием (вполне могли напечатать в начале девяностых!) труд пришёл к российскому читателю.

Иван Денисович и Иван Лукьянович

Лев Наврозов писал, что солженицынский «Архипелаг» после «России в концлагере» был просто ненужным и подробным повторением пройденного. Тем более что Солоневич впервые назвал вещи своими именами одна из глав его книги называется «Империя ГУЛАГа».

Но все-таки Солоневич описывает исключительно свой личный опыт, один неполный год на Беломорканале.

Книга Солженицына это сотни свидетельств, это эпопея, энциклопедия и философский трактат. Поэтому было бы несправедливо в некоем виртуальном историко-литературном пространстве раскассировать «Архипелаг» на сноски к «России в концлагере». Впрочем, никто этого делать не собирается. Однако проблема первого слова остаётся.

Солоневич заслуживает того, чтобы его приоритет был признан.

Разумеется, что задержка с появлением книги Солоневича никак не связана с мощной и планомерной кампанией по публикации книг Солженицына на родине. Никто не препятствовал напечатанию «России в концлагере». Но

независимо от этого возникает какое-то ощущение соперничества, основанное на почти полном совпадении фактуры при очевидном концептуальном несходстве книг Солженицына и Солоневича.

Несходство опять же весьма тонкое. Оба они ненавидят коммунизм. В обоих нет ни грана левизны. Оба сочувствуют больше всего мужику, работнику, которого коммунисты оторвали от земли и бросили в лагерь. И меньше всего репрессированному аппаратчику.

Далее оба демонстрируют легкий националистический крен вполне позитивный, отнюдь не ксенофобский, однако же отчётливый.

Но Солженицын это тема обманутой веры гражданина в государство. Это утраченные иллюзии по поводу хоть какой-то разумности происходящего. Это страх фраера («социально далекого» интеллигента или просто законопослушного горожанина или крестьянина) перед блатарем («социально близким» уголовным преступником). И отсюда новый вопль о злом безумии власти.

Обобщенный герой Солженицына (как-то неловко называть его «лирическим героем» эпической прозы) это человек, который верит, разочаровывается и робеет. Это слабый человек, влюбленный в государство беспомощной и обидчивой сыновней любовью.

Именно таких людей в огромном количестве плодила и плодит сначала советская, а теперь уже и постсоветская власть.

Солоневич это нечто прямо противоположное. Это холодный взгляд сильного и умного человека, которому изначально чужды все и всяческие страхи и иллюзии.

Он прежде всего джентльмен. Он любит своего сына, своего брата, свою жену, которую загодя сумел отправить за границу. Любит свою несчастную Россию. Он любит их по-настоящему, потому что ещё сильнее он любит честь, как тот самый рыцарь из классической английской поэзии.

Он спортивный журналист и выдающийся атлет. Организатор физкультурного движения и автор пособий по джигу-джигу. При советской власти трудился, зарабатывая деньги спортивными репортажами, но соприкоснуться с нею старался минимально: жил в подмосковной Салтыковке, дабы поменьше мараться в столичной грязи.

Умел вертеться с весёлым цинизмом нарядившись в заграничное пальто и сунув в рот окурки сигары, внаглую заходил в магазин «Инснаба» (вроде недавней «Берёзки»). Пропускали без документов. Это он делал не из любви к риску, а чтобы накормить семью в ситуации, когда карточки не отовариваются.

Его арестовали не как Солженицына (за недозволенные размышления о Сталине в письмах к другу), а за попытку бежать из Совдепии в сентябре 1933 года. Ему ещё повезло: указ о смертной казни за побег из страны был принят 7 июля 1934 года. А 28 июля того же года Солоневич с сыном и

братом успешно бежал из лагеря.

«У меня перед революцией не было ни фабрик, ни заводов, ни имений, ни капиталов. Я не потерял ничего такого, что можно было бы вернуть в случае (антисоветского) переворота. Но я потерял семнадцать лет жизни, которые безвозвратно и бессмысленно были ухлопаны в этот сумасшедший дом советских принудительных работ во имя мировой революции... Когда у вас под угрозой револьвера требуют штаны, то ещё терпимо. Но когда от вас под угрозой того же револьвера требуют, кроме штанов, ещё и энтузиазма, жить становится вовсе невозможу, захлёстывает отвращение. Вот это отвращение и толкнуло нас к финской границе».

Безоголосно толкнула честь. Беглецов - самого Ивана Солоневича, его сына Юрия и брата Бориса (он, кстати, тоже был известным спортсменом) предали те, кто пообещал содействовать побегу.

Но арестовали не советских кроликов, а джентльменов. Они не блякли беспомощно («Меня? За что?»). Они не надеялись, что правда вот-вот восторжествует и их выпустят. Они ничего и никого не боялись. При первой же стычке с блатными Борис Солоневич чуть не сломал руку какому-то пахану. Семья Солоневичей сразу приобрела некий авторитет и гарантии сохранности.

Писатель Георгий Гачев любит играть в буквы. Например, он считает, что в имени его жены Светлана (Свет-ЛАНА) зашифрованы имена их дочерей ЛАрисы и НАсти. На моём месте Гачев непременно сказал бы, что в домашнем имени Сталина Сосо (СО-СО) зашифрованы фамилии его главных литературных врагов Солоневича и Солженицына.

Я не силён в буквенной мистике. Однако, чем чёрт не шутит, обобщенный Иван Денисович и реальный Иван Лукьянович. Нет ли тут некоего недопроявленного знака? Общее имя (главное русское простонародное имя), а отчества тоже весьма простонародные, но разные. Оба русские но один забитый трудяга, а другой умница и смельчак. Случайность? Кто его знает. Русская литература и есть Россия. «Всякая попытка познания России таит в себе этакую прелесть неожиданности», писал Солоневич.

Кавардак как технология власти

Кто изобрел термин и ввел понятие? Мишель Фуко ещё пешком под стол ходил, а неистовый Абдуррахман Авторханов ещё был благополучным партийцем, когда Иван Солоневич уже написал о «технике власти» и демистифицировал старинные представления о том, как работает государство. О том, что существует благолепный консенсус между народом и его владыками. В общем, «собрались излюбленные от всего народа люди и соборно порешили»: пригласим варягов, выберем Мишу Романова, подержим большевиков. Или наоборот жестокие владыки грабят и калечат народ, а он кряхтит, лижет

властный сапог, а время от времени устраивает бунт. Беспощадный, но, к вящему удовольствию власти, бессмысленный, а потому легко подавляемый. Всё не так. Существует технология власти, способы, которые помогают лидерам долговременно и эффективно управлять подвластным населением. В тоталитарном государстве не обходятся одними убеждениями или одними репрессиями (хотя и пропаганда, и ГУЛАГ работают на всю катушку). Нужен достаточно большой слой населения, с которого сняли намордник и позволили грызть ближнего своего. Речь идет о подонках общества. Потому что ни в каком тоталитарном государстве не хватает людей в погонах, чтобы нагнать страх на народ.

Выражаясь по-учёному, в основе советской технологии власти лежит институирование психологии маргиналов. Солоневич называет это проще и вместе с тем глубже «ставка на сволочь».

Большевики освободили людей от «хищры, называемой совестью», значительно раньше, чем это сделали нацисты. Большевики, пишет Солоневич, сделали ставку на человека с волчьими челюстями, бараными мозгами и моралью инфузории. На человека, который в групповом изнасиловании участвует шестнадцатым. «Реалистичность большевизма выразилась в том, что ставка на сволочь была поставлена прямо и бестрепетно».

После этого Мануильский мог с полным основанием сказать Солоневичу, что большевикам на массы плевать. Потому что массы уже были отданы во власть сволочи. Советская сволочь это так называемый «актив». Солоневич подробно описывает путь, который проделывает деревенский или городской бездельник и горлопан, карабкаясь к заветному посту в гор- или сельсовету, к партбилету и корочке сотрудника ГПУ. Путь кровавый. Многие отваливались по дороге и попадали в тот же ГУЛАГ.

Но для «активиста» другого пути не было. Потому что трудиться или учиться он всё равно не мог, не хотел, не считал нужным. Единственное, что умел «активист» - доносить, убивать, а главное воровать.

Масштабы бардака (Солоневич говорит «кабак»), охватившего страну плановой экономики, ещё долго будут поражать воображение исследователей. Но Солоневич буквально на пальцах объясняет, что этот кабак всего лишь способ существования миллионной армии «активистов». На самом низовом уровне существовал обмен услугами между колхозным начальством, местной торговлей и местной милицией. Но система не была замкнутой. Мужика, у которого уведили корову, которую забивали, а мясо отдавали милиционерам и в лавочку «Главспирта» в обмен на водку, этого мужика приходилось пускать в расход. Таким образом, решались сразу несколько политико-технологических задач.

Многочисленная банда «актива» и низовой администрации получала надежный самопрокорм. Народ был порабощён, потому что сволочь жила и паразитировала в его толще. Далее вершки «актива» были надёжным и дешёвым кадровым резервом. И, наконец,

общая атмосфера кабака позволяла вождям пролетариата купаться в византийской роскоши, но не гарантировала от того же ГУЛАГа.

Таким образом, советский кабак в узком смысле надо рассматривать как институциональное оформление действий «актива» (т.е. сволочи), а в широком смысле как единственно возможный способ продлить существование государства, в основе которого лежал тотальный учёт и контроль.

Мёртвое счастье

Солоневич работал в лагерной администрации. Он спасал людей, переводя их с общих работ в «слабосильную команду», в лазарет, на писарские должности.

Нездешний холод его размышлений кого спасать, кого избавить от этапирования на БАМ (знаменитую дорогу затеяли строить в начале тридцатых)? Того, кто и так умрёт через неделю, или того, у кого есть реальный шанс выжить.

Когда спасти можно десятых из тысячи, гуманизм из выспренных рассуждений превращается в мертвящую арифметику.

Афанасий Авдеев преподавал математику в Минске. Там и был вместе с семьей взят за «шпионаж в приграничных районах» - это делается легко. Его жена и дочь погибли. Его самого Солоневич спас от голодной смерти, постарался определить на лёгкую работу, дал минимальный шанс если не выжить, то хотя бы прожить ещё хоть сколько-нибудь. Авдеев проклял Солоневича за его благородство, бежал из тёплой дежурки, заплутал в сугробах и замерз. Ему не надо было жить, и лишняя пайка хлеба была напоминанием о пережитом кошмаре, и ничем более. Он уже привык умирать, отупел, исполнился счастьем полутрупа. Тем самым счастьем, в котором купалась наша страна под аплодисменты всего прогрессивного человечества.

В каждой лагерной эпопее непременно есть «дитя» то самое, приснившееся Мите Карамазову. Солоневичу встретилась девочка, своим отошавшим телом пытавшаяся отогреть превратившееся в глыбу льда ведро кухонных помоев. Солоневич спрашивает, почему мы, миллионы здоровых мужчин, не взяли оружие? Почему недодрались с коммунистами?

Стали слабаками, вот почему. Всё при нас, а чувства чести нет. Значит, нет ничего, кроме желания лизать сапоги хозяина. Не вина это России, а её беда, что не было и нет у нас джентльменов. Но именно отсюда все остальные наши беды.

Кто виноват?

Почти две недели Иван Солоневич с сыном пробирался сквозь карельские леса к финской границе. Его брат, как было заранее условлено, в тот же день бежал из соседнего лагеря. Отсиживались в болоте, кормили комаров. Наскочили на охрану, убежали. Удалось. Наконец, на лесной тропинке обнаружили обрывки вполне «буржуазного» бумажного пакета. Значит, пришли. И сдались первому попавшемуся крестьянину, который отвёл их на погранзаставу.

Самое страшное место всего этого повествования не только для автора,

но и для читателя, это не описание лагерных ужасов. Это сцена в домике финского пограничника.

Перебежчиков уложили спать в большой служебной комнате. Рядом стояла пирамида винтовок, а на стене висел парабеллум. Убийственный стыд за Россию охватывает Солоневича и передаётся читателю. Как наши общались с перебежчиками из Финляндии, с рабочими, которые были охмурены коммунистической пропагандой и рванули через границу? Тут же арест, допрос, лагерь и скорая смерть. Хотелось снять с гвоздя парабеллум и застрелиться.

"Вот это дружественное, человеческое отношение к нам, рваным, голодным, опухшим и, конечно, подозрительным иностранцам оно для меня было как пощёчина. Почему же здесь, в Финляндии, такая дружелюбность? Почему же там, на моей родине, такой безвылазый, жестокий, кровавый кабак? Как это я, Иван Лукьянович Солоневич, мужчина и всё прочее, мог допустить весь этот кабак? Почему это я - не так чтобы трус и не так чтобы совсем дурак на практике оказался и трусом, и дураком?"

Вопрос, который может задать себе только джентльмен. Советский слабак будет всё валить

на объективные обстоятельства, врождённые свойства души и заботу о детях. Дозаботились до того, что внукам тогдашних слабаков теперь суждено выбирать между Путиным и Пригожиным.

Солоневичу стыдиться нечего. Он спас несколько сотен людей. Он доказал себе и тем, кто с ним встречался, что честь выше сиюминутных выгод и страхов. Он бежал из ГУЛАГа и рассказал людям правду. Но его не услышали.

Да, разумеется, Советская Россия (а для всего мира это просто Россия) немало набезобразила в Европе. Начиная от спланированного Сталиным раскола демократов в Германии тридцатых годов (расчистили дорогу Гитлеру) и кончая вторжением в Чехословакию.

Мы, конечно, виноваты перед Европой. Каемся. Больше не будем. Но и вина Европы перед Россией громадна. Европейские политики, как пишет Солоневич, покровительственно поглаживали большевицкого пса или пытались в порядке торговых договоров вырвать из его шерсти клок долларов. О да, разумеется, левый либерализм, увлечённость социализмом, кризис буржуазности. Нет. Просто в те времена и в Европе не хватало джентльменов.

Денис Драгунский

КОНТРЕВОЛЮЦИОННЫЕ ИГРЫ ДЛЯ НАШИХ ДЕТЕЙ

Нам нужен новый школьный исторический стандарт, который будет склонять наших детей к мысли о том, что Февральскую и Октябрьскую революции в России следует рассматривать как два звена одной цепи и называть их общим именем «Русской Революции» (по образу «Французской Революции»).

Потому что тут же в головах у наших детей, которые будут так или иначе знать про ужасы и нищету СССР и, одновременно, будут лично наблюдать современные последствия этой якобы «великой революции», освобождается место для принятия идеи о неизбежности Великой Русской Контрреволюции. Для того будущего процесса, который вернёт Россию к преемству своему историческому пути и ликвидирует последствия жалких и не принесших России ничего кроме горя и унижения бунтов и революций.

Для того, чтобы всё это стало реальностью, для того, чтобы русская Реконкиста когда-нибудь превратилась в серьёзное общественное движение, в Контрреволюцию (или Реставрацию, кому как больше нравится) необходимо с детства играть. И я всерьёз подумываю о необходимости написания сценариев таких игр, - как для детских площадок, так и для компьютера.

Школьники начальных классов моего собственного детства играли в «Мальчиша-кибальчиша» и «буржуинов». Поэтому они и выросли советскими людьми. Но сейчас наши дети должны играть совсем в другие игры.

У меня созрела мысль когда-то вложить будущие скромные накопления в тир в Нескучном Саду

с названием «Заслужи Георгия, сбеи комиссара или коммуниста!»

Призом даже за одну сбитую фигурку коммуниста будет почти настоящий георгиевский крест. Может быть идею народ подхватит...

Есть ещё мысль о компьютерной военной стратегии «Деды воевали» с действующей против красных партизан армией РОНА. Или игры «Казачи Краснова против Сталина». Или «Русский Корпус на Балканах».

Необходима также по-настоящему массовая игра для детской площадки. Сочетающая активное игровое действие и неотделимую от него идеологию игры. Я бы хотел рассказать ребятам об антикоммунистическом Локте, славном казачестве Краснова, о миллионной РОА, о харбинцах, о Русском Корпусе на Балканах и об антисоветской работе групп сопротивления в СССР с 1930-х и до 1980-х. То есть, собственно о русской истории 20-го века.

Дети имеют право знать. Это их история. И им этот мир станет ближе, чем опостылевшая и издохшая советско-путинская версия. Это их история, если они хотят жить в нормальной России, а не в посткоммунистическом ее симулякре. Даже если у половины деды-красноармейцы. Но сейчас уже, во-первых, далеко не у половины и, во-вторых, это уже не деды, а какие-то мутные бесноватые прадеды. И эти дети будут с большим удовольствием в таком случае ориентироваться на русских крестьян прапрадедов, то есть возможно что и крестьян из Белых Армий и народных антикоммунистических восстаний. Или на героев под русским триколором времён Второй Гражданской Войны.

А. Григорьев